

Веб-журнал "Европейская Афиша" №7 15/07/2012– www.afficha.info

Шесть персонажей и их авторы.

Екатерина Богопольская

На сцене под открытым небом монастыря Кармелитов (Cloître des Carmes), одном из самых знаковых мест Авиньонского фестиваля, играли «Шесть персонажей в поисках автора» Луиджи Пиранделло. Постановка, адаптация и сценографии Стефана Брауншвейга, художественного руководителя парижского театра de la Colline. До этого с 2000 по 2008 год он возглавлял Национальный театр в Страсбурге и созданную при нем Театральную Школу. Брауншвейг - один из мэтров французской режиссуры, считающийся продолжателем традиций Антуана Витеза, его отличает вдумчивый анализ драматургического текста и пиетет к авторам. Последний раз в программу Авиньона спектакль Брауншвейга был приглашен в 1994 году.

Photo Christophe Raynaud de Lage / Festival d'Avignon

Сцена поделена на три части. Справа – пространство репетиционного зала, то есть просто стол и несколько стульев. Слева – открытый, как книга, прямоугольник, белый, как чистый лист бумаги. Это пространство театра в театре, где заново создается реальность. Посредине, под аркадами монастыря, зеркальная перегородка, в которой отражается зрительный зал. Так сразу заданы три главных составляющих театра.

В самой знаменитой пьесе Пиранделло речь идет о соотношении вымысла и реальности, о проницаемости границ между жизнью и искусством, о том, что такое театр, и в какой степени он должен отражать действительность. Ставить «Шесть персонажей в поисках автора» – это всегда попытка понять что такое современный театр, как нужно играть сегодня. Брауншвейг посчитал, что выпад против старого буржуазного театра, современного Пиранделло (пьеса написана в 1921 году) сегодня не актуален, и переписал все сцены с Актерами, поместив действие в плоскость дискуссии «театр постдраматический или традиционный».

«Шесть персонажей» начинаются с пролога, который Брауншвейг придумал на основе настоящих импровизаций актеров своей труппы. Итак, в начале спектакля мы в центре бурной дискуссии, в которой Актеры и Режиссер выясняют отношения. Брауншвейг играет с кодами современного театра – обсуждают, перевоплощаться или нет в персонажа, существовать ли ему вообще, нужна ли вообще драма и авторы?

Photo Christophe Raynaud de Lage / Festival d'Avignon

Актеры, адепты постдраматического театра, требуют от Режиссера нового подхода к сценическому зрелищу, настаивают, что никакого персонажа давно нет, есть актер, который выходит на сцену со своей индивидуальностью, со своим человеческим опытом. Это интересно, а не литературный персонаж. Как делать театр сегодня? Давайте будем говорить о нас самих, к черту драму. Режиссер, так же, как и сам Брауншвейг, отчаянно защищает театр текста: не каждому дано быть автором, интересен целый мир, открытый тем или иным автором с его особенностями, а не просто персоне актера. Клод Дюпарфе, который играет Режиссера, очень забавно создает ироничный автопортрет самого Брауншвейга, вплоть до интонационных повторов. «Сохраняем автора, но не обязательно сам текст», - в конце концов соглашается Режиссер, намекая на опыт спектакля Венсана Маканя, триумф прошлого Авиньона, в котором при верности общему духу Шекспира, от авторского текста «Гамлета» почти ничего не осталось. Дополнительную пикантность всей ситуации придает тот факт, что все это произносится в Авиньоне, святая святых постдраматического театра во всех его формах.

В этот момент репетицию прерывает явление Персонажей недописанной пьесы - они, как известно, ищут автора, или за неимением последнего, театр, который воплотил бы их страдания, и предлагают режиссеру разыграть их жизненную драму, чтобы он смог

потом поставить ее на сцене. Причем партитуру персонажей Брауншвейг оставляет нетронутой.

Сцены показов проходят в белом прямоугольнике. И, как всякий уважающий себя современный режиссер, Режиссер в спектакле использует мультимедийные технологии. Огромные тени отпечатываются за фигурами персонажей, крупные планы видео, в разных ракурсах, чередуются с живым представлением на сцене. Так иронично спародирован прежде всего немецкий театр в лице Касторфа. Сам процесс, когда персонажи проигрывают для актеров свою драму, тоже фиксируется на камеру, а не записывается, как в пьесе. Брауншвейг показывает разные модели театра, чередуя сцены Персонажей и сцены Актеров. Один и тот же текст звучит в различных постановочных приёмах, каждый раз приобретая иное значение.

Интересно, что сами Персонажи, во главе со знаменитым актером Филиппом Жираром-Отцом, представляют старый театр открытых страстей. У всех утрированно театральная манера игры. Преувеличенно эмоциональное исполнение роли Матери Каролин Шаньолло очевидно отсылает к актрисам итальянского неореализма, Анне Маньяни, например. Актеры-профессионалы принимают их за любителей, или за исполнителей реалити-шоу. Потом, когда Актеры играют те же сцены, становится очевидно как изменилась модель театра. Сказать, что Персонажи более реальны, чем Актеры нельзя – именно Персонажи остаются искусственными, как на котурнах.

Брауншвейг переписал и реплики, в которых Актеры размышляют о возможных способах воплощения Персонажей на сцене. Драма этих людей, слишком эмоциональная, слишком экстравертная, их не особо волнует. Гораздо больше интригует фигура автора. Вот уж где распаляется фантазия, особенно у Премьера труппы, до этого без всякого восторга воспринимавшего перспективу играть столь мелодраматический сюжет. Брауншвейг добавил интерлюдии между сценами, инспирированные поздним сценарием самого Пиранделло по «Шести персонажам», в котором фигура отсутствовавшего автора становится центральной.

«Для меня любая постановка- это всегда мысленный диалог с автором. Главная загадка пьесы - почему автор отказывается написать своих персонажей. Главное ради чего мной предпринята попытка переписать пьесу Пиранделло - поиски автора, парадоксальным образом отсутствующего».

Photo Christophe Raynaud de Lage / Festival d'Avignon

В спектакле Брауншвейга всегда остается зазор между Актером и Персонажем, никогда не ставится под сомнение грань между реальностью и фикцией. Персонажи

показывали актерам свою историю, стараясь доказать ее правдивость. Но их страдания кажутся как раз фальшивыми, преувеличенными, словно они создают мизансцену своей жизни. Актеры все скептически остраивают, в свою очередь демонстрируя все «бзики» профессии.

И все-таки, мягко подтрунивая над Актерами, Брауншвейг явно ставит под сомнение искренность «Персонажей». Не являются ли они тоже лишь стремление во что бы то ни стало выставить свою частную жизнь на публичное обозрение, столь свойственное нашей эпохе реалити-шоу, фейсбука и других социальных сетей?

Вся эта проблематика волнует режиссера уже много лет. В 2006 году он взялся за другую пьесу Пиранделло, «Обнаженные одеваются», героиня которой, Эрсилia, тоже искала автора, чтобы увековечить свою драму. А поводом для постановки Пиранделло послужил случай из жизни: девушка оказалась жертвой расистской агрессии в пригородном поезде, об этом несколько недель говорила вся Франция, искали подозреваемого, а потом оказалось что все это она придумала сама ради своего «часа славы».

В финале правда Персонажей, как кажется, побеждает: после только что пережитой трагедии - самоубийства Мальчика, Актеры потрясенные и растерянные, расходятся. Победа искусства или жизни? Вопрос остается открытым. Режиссер остается на сцене один. Вдруг белый задник резко падает, обнаруживая за собой человека в маске из папье-маше, смахивающего на портреты Пиранделло. Он берет пистолет и стреляет в Режиссера. Таким парадоксальным образом Брауншвейг все-таки оставляет последнее слово за автором.

Умный, тонкий спектакль Стефана Брауншвейга страдает одним недостатком. Сюжет об игровой стихии излагается в формах традиционного театра.